

Красавец в муках свалился с коня. Конь заржал, услышав протяжный свист, разумно развернулся и помчался навстречу той огненной змее. Даже конь его покинул, слушаясь лишь хунну.

Красавец, закутанный в длинную накидку, весь обливаясь холодным потом, дрожа, вытащил кинжал и приставил лезвие к собственному горлу.

Шаньюй подскакал первым. Увидев его готовность покончить с собой, он почувствовал острую боль в груди. Длинный кнут тут же свистнул в воздухе и обжёг руку Красавца. Тот вскрикнул от боли и выронил кинжал. Шаньюй, заметив, как он ползёт, чтобы подобрать оружие, ударил снова.

Красавец, сжавшись от боли на траве, получил несколько ударов кнутом. Иэрдань, подъехавший следом, увидел, как разъярённый отец хлещет сбежавшую Яньчжи, и не посмел вымолвить ни слова. Он не смел заступиться — в этот момент просьба о пощаде лишь разъярила бы отца, и кнут обрушился бы на него самого.

Красавец рыдал, кутаясь в толстую соболью накидку, но и её Шаньюй изорвал в клочья ударами. Шаньюй был вне себя. Его Яньчжи снова и снова пыталась бежать, совершенно не ценя его чувств. Великий шаньюй, воевавший десятилетиями, с малых лет был жесток. Он убил отца и братьев, сам стал вождём племени, отрубил головы другим вождям и сделался царём всей степи. Он даже вёл войска на юг, заставив покойного ханьского императора просить мира и в знак покорности присылать красавиц для брака. Тех красавиц он и в грош не ставил, всех раздарил своим военачальникам. Покойный император Хань оказался хитёр: едва хунну отвели войска, он снова послал армию на север. С той поры война между двумя государствами не утихла больше десяти лет. Лишь когда Красавец вновь был отправлен для брака во имя мира, оружие наконец смолкло.

Тело Красавца было исполосовано до крови. Всякий, видевший эту сцену, думал, что великий шаньюй прибудет свою Яньчжи насмерть. Хулэ, запыхавшись, подскакал на лошади и, увидев, как ту бьют, в ужасе рухнул на колени перед великим шаньюем. Слуги и стража, допустившие побег Яньчжи, не избежали расплаты. Хулэ тоже был виноват.

То была ночь, леденящая кровь. Двух самых приближённых слуг Красавца забили кнутом насмерть у него на глазах. Ответственных за охрану стражников великий шаньюй избил до полусмерти. Те, кто был послабее телом, скончались тут же, под его кнутом. Даже те, кто выжил на месте, позже умерли от тяжёлых ран. Хулэ, толстокожий, тоже был избит до полусмерти. Он был младшим сыном великого полководца Хуяня, и шаньюй, сохранив толику рассудка, остановил руку, прежде чем тот потерял сознание.

Красавец, подняв голову и увидев эту кровавую бойню, не выдержал и лишился чувств.

Красавца всё же отнесли в шатёр шаньюя. Иэрдань не успел даже взглянуть на него — той же ночью он помчался в ханьский дворец. Его сердце обливалось кровью от боли и ярости. Он неистово хлестал коня, скача на юг. Он хотел увидеть собственными глазами! Увидеть того ничтожного, слабого ханьского императора! Что в нём такого, ради чего его Яньчжи готова была отдать жизнь?! Он готов был вспороть тому грудь и вырвать сердце!

Красавец пролежал в полубабытьи больше полумесяца, залечивая раны. Шаньюй не отходил от него. Красавец же впал в панику, лишь завидя его, и начинал кричать. Шаньюй не отнял у него жизнь, но приковал. Не в конюшне, а в своём собственном шатре. На его лодыжку надели железную цепь, на шею — большой колокольчик. Куда бы он ни пошёл, раздавался назойливый

звон — совсем как у собаки.

Шаньюй часто видел, как тот прячется в куче тёмных мехов, не вылезая оттуда даже для еды, питья или отправления нужды. То ли он превратил это место в свою конуру, то ли счёл его норой. Он панически боялся шаньюя, боялся до смерти. Шаман снова и снова проводил над ним свои обряды, окружив его, бормоча заклинания, разбрызгивая вино и кровь. Красавец, весь мокрый, вдыхая тошнотворный запах крови, вдруг вскрикнул, пнул шамана ногой и свалил того на землю, сам же рыдал и бранился. Кнут у него отобрали — будь он при нём, он бы наверняка отхлестал шамана до полусмерти.

Шаман, при всём народе и самом шаньюе, не мог сказать лишнего. Получив несколько пинков, он поднялся и продолжил бормотать:

— Неверная Уцина, нечистая Уцина, соблазнённая уродливым демоном! Великий царь степи не потерпит тебя! Великий Ивэйсе Шаньюй не потерпит тебя! Но милостивый и добрый Ивэйсе Шаньюй, милостивый и добрый царь степи, дарует тебе ещё один шанок! Покайся перед великим царём степи! Искупи вину перед великим Ивэйсе Шаньюем! Неверная Уцина, готова ли ты покаяться? Клянёшься ли впредь быть верной и чистой? Готова ли искупить вину перед великим царём степи?

Шаман несколько раз повторил вопрос, готов ли он. Красавец же, с покрасневшими глазами, молчал. Шаньюй сидел перед ним, мрачный, как туча, и смотрел на него таким взглядом, будто вот-вот прикончит. Шаман обливался холодным потом, беспокоясь за жизнь Яньчжи, и снова, уже ласково, переспросил несколько раз. Яньчжи по-прежнему молчала. Шаньюй вдруг грубо оттолкнул шамана. Тот, дрожа от страха, выкатился из шатра, побросав все свои пожитки. Шаньюй подошёл к Красавцу. Тот снова затрясся, вжал голову в плечи, обхватил её руками — боялся, что его снова будут бить.

Шаньюй поднял его, снял цепь с ноги и, внезапно взяв на руки, вынес из шатра, перекинул через седло. Завернув его в большую чёрную накидку, он помчался на юг. Скакали долго, пока совсем не стемнело, и лишь тогда остановились. На Красавце была лёгкая одежда; он дрожал от пронизывающего ветра, и даже накидка не спасала — зубы стучали. Шаньюй ткнул кнутом в сторону степи и сказал:

— Если хочешь вернуться, я сегодня же разорву договор с ханьским императором.

Красавец содрогнулся. Шаньюй, держа поводья, заставил коня потоптаться на месте и продолжил:

— Твой никчёмный брат только и умеет, что прятаться в тёплом ханьском дворце. На степь он ступить не смеет.

Красавец, закрыв уши ладонями, горько заплакал. Шаньюй снова указал кнутом на бескрайнюю степь:

— Даже скот в нашей степи храбрее ханьского императора. Он лишь отдал тебя мне. Мы, хунну, любим только отважных героев. Яньчжи, как ты могла полюбить такого труса?

Красавец, обхватив шею лошади, рыдал всё горше. Шаньюй же, утратив к нему всякую нежность, был лишь исполнен гнева. Когда солнце скрылось, он развернул коня и поскакал обратно, чтобы снова приковать Яньчжи в шатре.

Красавец просидел на цепи три месяца. За это время, кроме шаньюя, он видел лишь двух

чужих, угрюмых слуг. Они не походили на его прежних слуг — слушались только шаньюя и не слушались его. Когда он попросил ароматические пилюли, они с отвращением выбросили все вещи, привезённые им из ханьского дворца.

На закате одного из дней третьего месяца Иэрдань, наконец, вернулся, запылённый дорогой, с свадьбы ханьского императора. Шаньюй разрешил Яньчжи выйти и присутствовать на пиру у костра в честь возвращения Иэрданя. Пир был шумным. Иэрдань стал центром всеобщего внимания, красочно расписывая любопытным хуннуцким воинам церемонию свадьбы ханьского императора и красоты Лояна. Хотя о самом императоре он отзывался с презрением, богатству Лояна и ханьской культуре отдавал должное и даже в приватном разговоре с отцом предложил перенять у Хань побольше земледельческих технологий.

Великий шаньюй не был упрямым ретроградом. Он и раньше слушал доклады старшего сына о выгодах торговли с ханьцами, а теперь, наслушавшись рассказов младшего о Лояне, и сам заинтересовался теми плодородными землями. Выслушав оценку сыном расположения войск вокруг Лояна, он почувствовал в сердце знакомое щемящее желание.

Красавец же всё это время сидел в углу, никем не замечаемый. Его положение при дворе сильно пошатнулось. Многие воины в царском стане знали о побеге Яньчжи и смотрели на неё с презрением. Хулэ тоже был на пиру. Он по-прежнему числился стражником Яньчжи, но теперь подчинялся непосредственно шаньюю. После той порки он едва выжил, раны заживали больше месяца, и он сильно исхудал. Теперь, случайно встретившись взглядом с Красавцем, он испуганно отшатнулся. Он действительно её боялся. В его сердце Яньчжи стала ядовитой змеей-искусительницей, к которой лучше не прикасаться.

Иэрдань, разглагольствуя, то и дело поглядывал в угол, где сидел Красавец. Его сердце сжималось от ревности. Перед самым отъездом ханьский император особо пригласил его в ханьский дворец и устроил в его честь пышный пир.

<http://bllate.org/book/16253/1461987>